

В синтагмах данной группы отец предстает в двух ипостасях. С одной стороны, это жертва, независимо от того, в какой ипостаси, злодея или жертвы, выступает в публикуемых материалах его дитя; с другой, — он сам коррелирует с поступками своего отпрыска: *Угонщиком оказался родной отец заявителя; Отец лихача тоже грешил вождением мотоцикла в нетрезвом состоянии; Отец инициатора драки, директор лагеря Усольцев Михаил попытался уладить дело. Через некоторое время директор лагеря — отец Б.Усольцева, привел большую толпу местных жителей, которые учинили погром* (Новый регион 2, 2010.07.27).

1.2. Синтагмы, в которых отражены только отношения родства, но более широкий контекст выполняет дифференциацию детей по ряду признаков, представлены тремя разновидностями.

1) Группа преимущественно жертв: *отец девочки / первоклашки / малышки / девчонок / мальчика / одного из парней / одного из воспитанников / детей / ребенка / невесты / жениха*. В контексте: *Отец мальчика, которого свердловское министерство образования не хотело брать на Кремлевскую елку из-за диабета, умер в больнице от инфаркта*.

2) Немногочисленные номинации детей по роду занятий или по профессии не пересекаются с группой в п. 1.1. Исключение составила лишь одна номинация: *Отец матроса до сих пор не может поверить в смерть сына*. В целом же такие номинации называют успешных детей, преимущественно спортсменов и политиков: *отец писателя / отец гонимика / чемпионки / теннисистки / чемпиона / отец одного из лидеров команды / тренер и одновременно отец юного спортсмена; отец политика страдал психическим заболеванием; Отец евродепутата, Витаутас Ландсбергис-Жямкальнис (1893—1993), во время Второй мировой войны уехал из Литвы в Германию*.

3) Выламывается из общего массива синтагма *отец ребенка (отец будущего ребенка)*, употребляемая только в тех материалах, в которых обсуждается проблема отцовства ребенка (обычно звездных мам).

2. Модель «отец + форма род. п. нарицательного одушевленного существительного, называющего определенное или неопределенное множество детей». Данная модель выполняет в тексте характеризующую функцию: на фоне называемого множества детей подчеркиваются

а) достоинства, авторитетное мнение и поступки, подтверждающие статус отца: *в свои 25 лет он уже отец двоих детей; очень серьезный человек, но в частной жизни это обаятельный отец четверых детей; впечатление благопристойного гражданина: военный, отец троих детей и внимательный сосед; прекрасный семьянин: женат, отец шестерых детей; футболист и отец трех сыновей; отец двух несовершеннолетних дочерей; я, как добропорядочный отец семейства, должен ходить, опустив глаза, — вокруг столько соблазнительных женщин!; уже сам отец двоих взрослых сыновей; заботливый отец чахнувших, но умных, даровитых, хорошо воспитанных детей;*

б) или, наоборот, характеристики и действия, идущие вразрез с ним: *отец четырех детей в пьяном угаре набросился на свою жену и начал душить ее; недавно предстал перед судом отец пятерых несовершеннолетних детей; отец многодетной семьи, которую бросил несколько лет назад*.

Контексты, как правило, подтверждают мотивирующий характер таких синтагм: *Американцы утверждают, что контрразведчик, ветеран и отец шестерых детей, из 27 лет своей службы в ФБР 15 работал на Москву* (КП, 2001.02.21); *Скорее всего, администрация предприятия опасается, как бы отец многодетного семейства не потребовал квартиры* (Груд-7, 2000.09.05); *Писатель Григорий Остер, отец пятерых детей: - Считаю, что карманные деньги взрослеющим детям необходимы* (НКРЯ); *Отец семерых детей, из которых пятеро — сыновья, Мел не горит желанием становиться в ближайшее время дедом* (КП, 2002.06.04). *Отец семейства схватил «поучительный» ремень и без словесных внушений налетел на сына* (Родители забили 6-летнего сына ремнем. Насмерть // КП, 2002.07.01).

3. Модель «отец + форма род. п. одушевленного имени собственного» представлена двумя разновидностями. В одной из них ИС называет конкретного референта (*отец Юрия / Ксюши / Вали*); данные синтагмы в силу их конкретной референтности здесь не рассматриваются. Отметим лишь, что большинство из них относится к материалам из криминальной хроники, а содержание контекстов только добавляет число негативных случаев к группам, охарактеризованным в п. 1. К примеру: *Вот только что приходил убитый горем отец 24-летнего Владимира Фокина, скончавшегося в воскресенье в больнице Пятигорска; Отец Серезжи — мариупольский бизнесмен Аркадий Иванович Шадрин сразу же обратился за помощью в милицию*.

Во второй разновидности синтагм называются имена выдающихся детей — популярных исторических личностей, глав государств, политиков, ученых, спортсменов: *отец Катутла / президента / Заменгофа / Калинина / Брюсова / Марадоны / Екатерины Великой; отец Елизаветы II король Георг VI; Николай Николаевич Озеров (отец известного спортивного комментатора, тоже Николая Николаевича); мэр Чикаго Ричард Дейли (отец нынешнего мэра Ричарда Дейли младшего)*.

Обращение к именам великих детей вызвано желанием журналистов

а) показать диссонанс между отцом и сыном и тем самым дискредитировать обоих, несмотря на заслуги одного из них: *Как говорит Завен Саргсян, отец Параджанова после революции был осужден на три года за то, что содержал публичный дом «Семейный уют»* (Груд-7, 2004.01.14); *Там была приведена фотография 60-летней давности, где среди немецких офицеров и власовцев, которые принимали участие в подавлении Варшавского восстания в августе 1944 года, в казачьей форме стоит якобы отец российского президента — Владимир Путин* (Д.Кириллова. Автор скандальных книг, бывший офицер ГРУ Виктор Суворов: Это

подлость, рассчитанная очень хитро // «КП», 2003.08.15); *Из них следует, что отец актера Густав Шварценеггер был фашистом, участником карательных экспедиций в Польше, Франции и СССР* (КП, 2003.08.18);

б) подчеркнуть значимость достижений сына и тем самым подчеркнуть генетическую связь успешности: *выдающийся советский учёный В.М. (отец Н.В.Бехтерева)*; *Главную городскую команду тренирует Валерий Васильевич Казаков, между прочим, отец Владимира Казакова, который играет в столичном "Торпедо"* (Труд-7, 2000.08.12);

в) подчеркнуть собственную значимость, позиционируя даже отдаленную импонирующую связь с популярной личностью: *Позже выяснилось, что тогдашнее руководство — Даниэль Дардэ и Рене Тавернье (кстати, участник Сопротивления, отец известного режиссера Бертрана Тавернье) — поклонники моего творчества...* (А.Неверов. Свет в черном зеркале // Труд-7, 2000.05.30);

г) просто дать более полную информацию о герое материала: *отец британского премьера сначала был госпитализирован в Йере; Отец президента Татарстана Рустама Минниханова служил на Тихоокеанском флоте; Отец академика Иван Карпович Алферов еще до октября 1917 вступил в Минске в большевистскую партию, до конца жизни был убежденным коммунистом, и двух своих сыновей назвал соответствующе: старшего — Марксом (он погиб в Великую Отечественную), младшего — Жоресом (в честь создателя социалистической партии француза Жана Жореса).*

В юмористических целях вместо ссылки на отца может быть использована ссылка известного отца на не менее известного сына: *Маршал Василевский иногда, представляясь, в шутку говорил: «Я — отец известного архитектора Василевского»* (О.Вандышева. Как живут потомки полководцев победы? // КП, 2001.05.04).

Нередко в стилистических целях имя собственное заменяется перифразой в силу узнаваемости популярного лица, а приемом экспрессии является лишь противопоставление сына или дочери отцу, причем на первый план выступает ретро-перспективная аранжировка проблемы отцов и детей в смысле, представляющем парадокс: *‘дети не только не оправдывают усилия отцов, но и уничтожают все, что те сделали’*. Например: *Мог ли подумать тогда лидер мирового коммунизма, что его сын станет гражданином именно той страны, которую его отец, отчаявшись догнать “по молоку, мясу и маслу”, пообещал зарыть с помощью сахаровской супербомбы?* (Н.Черкашин. Карибская коррида // Труд-7, 2000.06.07). Аналогичный пример из белорусской газеты: *Парадокс истории состоит в том, что внучка декабриста, дочь писателя, воспевшего подвиг советских солдат в романе «Брестская крепость», вышла замуж за человека по фамилии Чубайс* (С.Гордиенко // СБ. Беларусь Сегодня).

А в Западной Европе синтагма *отец кого* приобрела свойство нового знака: *Тинейджеры в возрасте 17 лет все чаще обращаются друг к другу не по имени, а «отец такого-то», сознательно выбирая себе эти своеобразные псевдонимы, принятые у «воинов джихада»...* (Труд-7, 2002.07.27).

О том, что посессивные отношения рассматриваемой модели довольно прочно закрепились в языковом сознании как носители добавочных смыслов с мелиоративной или пейоративной окраской, свидетельствует не только факт их многочисленного употребления при описании различных событий, но и их стилистически маркирующие функции. Так, получила широкое распространение модель *отец чего* типа *отец русской демократии*, вызывающая не меньший исследовательский интерес, рассмотреть которую здесь в силу ограниченных рамок статьи не представляется возможным.

Таким образом, СМИ оказывают речевое воздействие не только осознанно, но и своими неосознанно — предпочтениями в тематике событий и в средствах их вербализации. Кучность использования тех или иных номинаций и оценок в печатном тексте оказывает, подобно 25-му кадру на экране, воздействие на подсознание реципиента и тем самым может исказить явление, формировать определенные стереотипы, влияющие на изменение отношения общества к человеческим ценностям. СМИ должны отдавать себе отчет в том, какую картину мира они формируют, увлекаясь собственными предпочтениями.

1. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб.: Университетская книга, 2000. 314 с.
2. Баранов А.Н. Язык — инструмент лжи или средство прояснения истины? // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000. С. 159-161.
3. Кетова А.Ю. Воздействующий потенциал делового медиатекста: постановка проблемы // Журналистика и культура речи. № 1. 2013. С. 51-57.
4. Осокина С.А. Языковые механизмы воздействия на человека: монография. Барнаул, 2007. 224 с.
5. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью. М.: Эксмо, 2003. 380 с.
6. Рюмшина Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе: учеб. пособие. М.: ИКЦ МарТ, Ростов-н/Д: МарТ, 2004. 240 с.
7. Воробьев В.П., Степанов В.А. Проблемное поле медиаэкологии: опыт демаркации научного направления // Веснік БДУ. Сер. 4. 2011. № 2. С. 86-90.
8. Конюшкович М.И. Экология языка и языковой личности в медиапространстве // Социальные и гуманитарные науки: образование и общество: сб. статей. Н. Новгород, 2014. С. 16-22.
9. Потапова Р.К., Потапов В.В. Семантическое поле «наркотики». Дискурс как объект прикладной лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004. 190 с.

References

1. Dilts R. Fokusy yazyka. Izmenenie ubezhdeniy s pomoshch'yu NLP. SPb.: Universitetskaya kniga, 2000. 314 s.
2. Baranov A.N. Yazyk — instrument lzhi ili sredstvo proyasneniya istiny? // Reklamnyy tekst. Semiotika i lingvistika. M., 2000. S. 159-161.
3. Ketova A.Yu. Vozdeystvuyushchiy potentsial delovogo mediateksta: postanovka problemy // Zhurnalistika i kul'tura rechi. № 1. 2013. S. 51-57.
4. Osokina S.A. Yazykovye mekhanizmy vozdeystviya na cheloveka: monografiya. Barnaul, 2007. 224 s.
5. Grachev G.V., Mel'nik I.K. Manipulirovanie lichnost'yu. M.: Eksmo, 2003. 380 s.
6. Ryumshina L.I. Manipulyativnye priemy v reklame: ucheb. posobie. M.: IKTs MarT, Rostov-n/D: MarT, 2004. 240 s.
7. Vorob'ev V.P., Stepanov V.A. Problemnoe pole mediaekologii: opyt demarkatsii nauchnogo napravleniya // Vesnik BDU. Ser. 4. 2011. № 2. S. 86-90.
8. Konyushkevich M.I. Ekologiya yazyka i yazykovoy lichnosti v mediaprostranstve // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: obrazovanie i obshchestvo: sb. statey. N. Novgorod, 2014. S. 16-22.
9. Potapova R.K., Potapov V.V. Semanticheskoe pole «markotiki». Diskurs kak ob"ekt prikladnoy lingvistiki. M.: Editorial URSS, 2004. 190 s.

Konyushkevich M.I. Whose father is in the focus of media attention? (Regularities in possessive syntagmas with the word “father”). Based on the contexts with a possessive syntagma «father + animate genitive» selected by the method of continuous sampling from the newspaper subcorpus <http://www.ruscorpora.ru/>, the author has demonstrated that the media, wittingly or unwittingly, distort the image of a modern father, thereby not only contribute to the formation of specific stereotypes and world view in general, but also influence a change in society's attitude towards human values.

Keywords: *content analysis, father, mass media, journalistic text, possessive*

Сведения об авторе. М.И.Конюшкевич — профессор кафедры журналистики факультета истории, коммуникации и туризма Учреждения образования Республики Беларусь «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»; marikon9@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.02.2015.